

Россия как ситуация исследования и понимания

В этом выступлении я кратко сформулирую впечатления от конференции, видимо, репрезентативной для современного "россиеведения постСССР" (в обоих смыслах), и попытаюсь обратиться к методологическим и историософским урокам; разумеется, в плане преимущественно вопрошения, но не конечного ответа.

Ситуация исследования. Дам образ исследовательского дискурса, представленного нашей конференцией. Собственно научно-академический дискурс не удерживался в своих границах, переполнялся как реакциями и рефлексиями текущей ситуации и политики, так и экзистенциальными прочувствованиями судеб личности, государства, эпохи и т.д. Deskриптивное перетекало в нормативное. Анализ ситуации на уровне объективной детерминации имплицитно (и даже эксплицитно) прерывался традиционными вопрошениями (что делать? кто виноват? как вернуться на правильный путь?). Постоянное нахождение в некоторой пограничной позиции, уходы и возвращения в близкие и очень далекие смысловые области был дискурсивным обыходом. Коммуникация строилась, скорее, на обращении к универсальным символам и самой действительности, нежели к структурированным знаниям о ней (что есть канон для профессионализированного научного дискурса). Очень значимую роль играли символы, причем сами позитивно исследуемые феномены нередко символизировались* и, как таковые, универсализировались.

Границы предметных областей и(или) смысловых регионов нерефлексивно проблематизировались самим строем обсуждения. Предметный материк Россия не удавалось расчленить на страны "экономика", "социология", "культурология", "политология", "-логия". Междисциплинарность более чем достигалась — она впитала и поглотила дисциплинарность. Теоретические концепты и наборы эмпирических фактов были внутренне смешаны, как были неотчленимы экспертные оценки и концептуальные объективированные построения.

Высказанные суждения, как и их предмет, не должны пониматься в модусе оценки. Такова исследовательская ситуация, как она ныне есть. Попытаюсь высказать несколько тезисных суждений, объясняющих, по-моему, ее закономерный характер.

Во-первых, спонтанно преодолеваемая тотальность советского общества-государства пока сохраняет его основную структурную

* Статус символов (а значит — огромную потенциальную смысловую глубину, многозначность, амбивалентность) приобрели понятия "демократия", "кризис", "модернизация", "политика", "реформа", "суверенитет" и мн. др.

особенность — невычлененность автономных сфер политики, экономики, обыденной жизни, культуры и т.д. Проблематичны тогда и фундируемые автономией этих сфер соответствующие дисциплины. Ряд элитарных профессиональных экономистов и социологов признают, что социология и экономика как исследовательские дисциплины обычного (западного) типа для современной российской действительности просто невозможны.

Во-вторых, реальные россиеведы-советологи как профессионалы работают в особой — по сравнению с научным каноном — социокультурной и исследовательской ситуации, лишь частично предопределяемой характером предметной сферы. Подробная характеристика этой ситуации лежит вне задач данного сообщения. Укажу, на мой взгляд, ее важнейшие особенности. Исследователь работает в нескольких разных культурных и социальных позициях, каждая из которых — свой горизонт когнитивно и прагматически организованных знаний (такие позиции — собственно исследователь, методолог, эксперт-консультант, публицист, преподаватель-популяризатор и пр.). Кроме полипозиционности, ситуация еще и многорамочна, причем имеет место мощная динамика рамок. Работа ученого протекает в ситуации мощной автомифологизированности социальных процессов, когда теории де-факто чаще всего оказываются сколками этих мифов в декоративных формах научных теорий. Для разных социокультурных групп существуют разные реальности; реальность расслоена. И только одной из этих реальностей является политика*.

Такая ситуация представляется мне принципиально долгосрочной и устойчивой, и, как таковая, она нуждается в осмыслении, и, если угодно, своеобразной институционализации. Центральной фигурой здесь оказывается действительно суперпрофессионал, выступающий не просто как носитель некоей совокупности научного инструментария, а в функции организатора этих исследовательских средств на основе личностного знания. Чрезвычайная персонцентричность знания в той размытой большой области, о которой идет речь, не случайность и не предмет преодоления, хотя такая ситуация, очевидно, чревата и многими негативными последствиями. Исследователь здесь, скорее, эквивалент целой исследовательской структуры, нежели функциональное место ее реализации. Поэтому — выражаясь лапидарно — нужда должна быть конвертирована в добродетель.

Осуществившаяся де-факто приватизация реальной методологии исследования должна быть осознана и даже институционализована. Не подходы, теории, методики и т.д реализуются неким носителем, личность которого, хотя и накладывает на них отпечаток, но якобы не меняет всей сути, — но личность исследователя вырабатывает инструментарий, главное требование к которому — адекватность прежде всего (если не исключительно) личности определенного

* Есть основания характеризовать такую ситуацию как постмодернистскую методологию (разумеется, понимая постмодернизм с необходимою широтою — как наступающую большую культурную эпоху). В другом выступлении автора на настоящем симпозиуме обращается внимание на черты постмодернизма уже в самом "предмете" россиеведения.

масштаба*, укорененной равно в почве проблем и почве своей страны. Говоря грубо, не ученый служит теории, а теория служит ученому. Хотя при всей остроте дефицита теорий и неизбежности теоретической реконструкции советской и несоветской действительности ("иного не дано") теории выступают особым компонентом личного знания исследователя-полипрофессионала.

Уроки? Теперь переходу к тем урокам — методологическим и даже отчасти историсофским, каковы можно извлечь из всего претерпеваемого страной последние десятилетия и из исследовательской работы в условиях этого претерпевания. Эти "уроки" разнокалиберны, важнее увидеть, что они есть. Россия — страна самобытная, но это стоит понимать и как самобытность почвы исследовательских проблем. Теоретическая насыщенность требует осознать идеологизированную контрверзу "западничество — почвенничество" как контрверзу методологическую в широком смысле.

Самодемонтаж конструкции социализма. Деструкция СССР (распад) и(или) регионализация советского пространства структурно детерминирована; это событийность, чреватая бедствиями и страданиями, но есть ли в ней *смысл*?

Регионализация СССР — реальный путь его преобразования. Регионализация использует фрагменты советского пространства, давая им возможность жизни (витализации). История "разрушенья до основанья, а затем..." не повторяется. По законам полиморфизма части-регионы обязаны обнаружить существенные различия и — после определенного рубежа суверенизации — двигаться в разные стороны, жить по-своему. Поливариантность эта — уже налицо.

Регионализация — механизм деидеологизации, перемалывающий коммунизм как идеологию и организацию, бессильные без громадного государства. Происходит — противоречиво — деполи-тизация. Хотя процессы, продукты и последствия регионализации зачастую отвратительны и опасны, иного пути для десоветизации пространства и жизни в нем (сейчас) нет.

Власть СССР стремилась полностью пропитать собою жизнь и пространство, подчинив и(или) искоренив естественную самоорганизацию. Система регионов была машиной подавления-стирания различий, но именно тотальный успех конструирования привел составные части машины к бунту. Полностью и окончательно построенное пространство социализма не выдержало собственного устройства. Пространственно невменяемое общество-государство перестает существовать — пространство отомстило.

"Зарубежный мир" пребывает в облатне социального конструктивизма, этатизма и социализма; может, сползает к нему. Теперь мы знаем, чем это кончается... Не в том ли урок, очень важный? Мы ныне знаем, вернее, узнаем — что есть социализм, что не вечен он именно в силу успехов построения, что разнообразие можно подавить и искорезить, но уничтожить нельзя. Решающий эксперимент завершен?

* Тогда ситуация: "обилие специалистов — дефицит знаний" может разрешиться только парадоксальным способом. Поскольку размер личности важнее, чем их число, то вопиющее незнание своей страны может быть преодолено исключительно за счет резкого сокращения формального носителя статуса исследователя.

Сверхгосударство — псевдогосударство. Вне зависимости от того, был ли в СССР подлинный и настоящий социализм, тотальность огосударствления жизни в нем отрицаться не может. Однако тотальное государство пережило тотальный распад — как пространственно, так и функционально. Оказалось, что именно сверхгосударство не может быть государством. Сама правящая группа (язык не повернулся назвать ее элитой) обнаружила поразительное сочетание корысти с государственной недальновидностью и, по сути, приватизировала это государство. Произошла инверсия номенклатуры. Теоретики школы административного рынка, чей реализм всегда не ко двору, описывают этот эффект как втягивание в государство неизбежных функций отрицаемого им рынка и превращение самих институтов государства в своеобразные, но рыночные. Тотальное государство оказалось синонимом тотального рынка. После чего государство и было "продано" на этом рынке.

Конвертация пространства — история. Чем активнее во фрагментирующемся пространстве становление самостоятельных частей, тем больше возможности созидания из них осмысленных целостностей. (Даже реставрации: если России суждено возродиться в рубежах 1917 г. или XVII в. — то пути, помимо регионализации, к тому нет.) Этносам регионализация сулит испытания государственностью, а иным — многогосударственностью, но испытания исторически осмысленные. Регионализация — вообще, тяжкое испытание, но и огромный шанс вернуться к жизни и в историю.

Существенно, что, казалось бы, Чисто пространственная декомпозиция (возможно, деконструкция) приводит к возможностям "отгрыша" нереализованных исторических альтернатив. Автодемонтаж социализма влечет обратимость геополитической истории? Так вновь возникает ситуация геополитической полицентричности Восточно-Европейской равнины, проблема судеб Сибири, возможность возникновения нескольких русских государств, в том числе и без имперской доминанты, и мн. др., что казалось исторически решенным. Многократно Россия как растущая империя решала задачу "выхода к Балтийскому и Черному морю". Вновь становится актуальным политический тематизм "Россия и Сибирь"*.

По-видимому, "возвращение в историю" — возможность актуализации многих и разных исторических горизонтов. Оказывается, все отнюдь не сводится ни к сентенциям о "возвращении в историю", ни к попыткам отыскать (или спроектировать задним числом) смысл семидесяти лет. Советский феномен — действительно нечто особое во временном отношении, если завершение этого периода приводит нас одновременно в несколько разных эпох.

Прототипичность уникального случая. Как ситуация России, так и тем более Россия в смысловой рамке саморазрушающегося социализма — скорее, уникальный случай, нежели рядовой факт

* Этот феномен — достаточно общий, но пока, по-видимому, не привлек внимания. Между радикальной пространственной деструкцией государственно-общественного тела и актуализацией ушедших далеко в прошлое ситуаций и проблем явно есть связь. Эта связь — предыдущий раз наблюдавшаяся в 1917—1922 гг. (структурно сходная с современностью ситуация) — отнюдь не сводится к обострению сепаратизма при ослаблении Центра.

модернизации (вестернизации). Однако "заикленность" именно на антитезе "почвенничество — западничество" как методологической, не менее чем историософской и идеологической, мешает увидеть в современной событийности на территории бывшего СССР ситуацию прототипическую. Коль скоро Россию сравнивают с множеством непохожих государств в поисках образцов и источников технологий модернизации, то правомерен и обратный ход. Экспликация уникальности состоит именно в этом*. Россия — столь богатая ситуация, что она — полипрототип. Знания о России — своеобразный уникальный невоспроизводимый нетехнологический ресурс с потенциально огромной потребительской полезностью. В другом моем выступлении на данном симпозиуме обсуждается вопрос — что надо знать о России, чтобы осмысленно примеривать на ее почву западные идеологии. Здесь ракурс иной, но также вполне нешаблонный.

Так, потрясающий даже чисто интеллектуально "эксперимент", через который СССР прошел, фрагментировавшись (как то обычно и бывает с образцом в эксперименте), может и должен быть освоен как источник знаний (по крайней мере, вопрошений) для множества ситуаций. Назову только те, для которых прототипичность советского пространства концептуально кажется очевидной. По крайней мере, три страны находятся в ситуациях, которые можно строго уподобить уже пройденным СССР. Это Китай, в котором просто налицо первые, но многочисленные, симптомы регионального расстрескивания**; ЮАР, где попытки преодоления расово-политического противостояния глубокими институциональными реформами пока маскируют остроту проблемы единства политического пространства; наконец, очевидно — Югославия.

Нет нужды говорить, что даже интеллектуально драматичный процесс автодемонстрация СССР во всех его аспектах отнюдь не единственный заслуживающий общего внимания феномен. Не имея возможности развить эту тему подробнее, сформулирую назывными предложениями некоторые интереснейшие особенности советского общества-государства, в исследовании которых уже достигнуты первые результаты***. Советский социум как исторически самое большое искусственное, спроектированное сооружение из материала людей, вещей и знаков (планетарная структура); предел, триумф и крах идеологии тотального проектирования. Гиперцентрализованное моноструктурное пространство континентальных размеров. Самый большой, диверсифицированный и универсальный бюрократический рынок. Почти тотально маргинализованное общество. Наконец, страна, чье состояние не может быть понято без обращения к сюжетам постмодернистской культуры.

* Именно сходство с непохожими меж собою странами — специфика СССР—России (Кто же мы // Век XX и мир. 1990. № 6).

** Потенциальная региональная фрагментаризация Китая не только уподобляет его СССР, но делает варианты его будущего геополитически актуальными прежде всего для России. Фрагменты Китая — естественные и дополнительные для частей России ядра притяжения.

*** Хотя в ситуации доминирования импорта знаний и интеллектуальных технологий даже попытка обсуждения тезиса о "методологической самобытности" России—СССР безотносительно политической контроверзы "почвенничество—западничество" встречает смесь протеста и непонимания.